

АВТОГРАФ

«Театр уж полон; ложи блещут...» Увы, аншлаги и полные залы в наше время для многих театров не более чем мечта. Поэтому и разговор с секретарем Союза театральных деятелей РСФСР, художественным руководителем Академического центрального детского театра Алексеем БОРОДИНЫМ накануне Международного дня театра получился не совсем праздничным.

— Алексей Владимирович, в этот день мы, зрители, привыкли слышать торжественные речи во славу искусства сцены. Но что значит 27 марта для человека театра?

— Праздник. А это всегда хорошо, всегда какая-то радость. Но, с другой стороны, предполагается, что не только 27 марта, но и 26-го, и 28-го — всегда буквально каждый спектакль должен быть праздником, событием и для тех, кто в нем участвует, и для тех, кто находится в зале. Потому что как только театр превращается в будни, повседневность, в предприятие по выпуску зрелищной продукции, тут же начинается отток зрителей. Что мы и наблюдаем сегодня.

— Видимо, стоит сделать скидку и на особый драматизм нашей жизни!

— Конечно. Представьте, сколько людей предпочли театру телевизор во время Съезда народных депутатов. Вот где напряжены мысли и чувства, какая-то особая наполненность людей и ситуаций. Думаю, наше искусство должно сейчас сосредоточиться на очень серьезных, глубоких темах, должно заняться поиском ярких, действительно новых театральных форм. Все имеет право на существование. Лишь бы это не было пусто, поверхностно, скучно.

— Еще недавно театры, в том числе детские, юношеские, удивляли и привлекали новыми, запретными прежде темами и героями. Но вот прошло первое изумление, и...

— И стало видно, что перестройка, по сути, в театре не началась. Да, теперь очень многое позволено, мы вздохнули свободней. Но сколько на волне этой свободы всплыло спекулятивного, пошлого, не имеющего отношения к искусству! Не хочу упрекать всех нас — кто-то и в самом деле растерялся, кто-то лихорадочно бросился догонять авангард. Но есть и откровенная, деловито сколоченная конъюнктура. Правда, подается она под вывеской проблемного, острого, смело-го искусства. Разумеется, это только вывеска — конъюнктура и есть конъюнктура. Я думаю, что одна из важнейших задач, стоящих сейчас перед нами, — это возрождение культуры, в частности театральной культуры. Ведь цель, предназначение искусства мало изменились со времен Шекспира — оно призвано выразить глубинные, духовные потребности жизни человека. На мой взгляд, сегодня, как никогда, — время обращения к классике. И вообще есть смысл почаще оглядываться на прошлое.

— Однако на одни только капиталы классики, наверно, не прожить. Вспоминаю, сколько велось дискуссий о современном герое в эпоху застоя. Ну а сегодня — кто он, этот герой!

— К сожалению, годами зрителя приучали к конъюнктурному — прямолинейному и непреклонному положительному герою. Наступило новое время, и возникла конъюнктура как бы с обратным знаком. Но дело же не в принадлежности персонажей к тем или иным социальным группам! Пусть зритель увидит на сцене человека, личность, отдаленно взятую неповторимую судьбу. И пусть эта судьба окажется связанной не только с данной минутой, но и с прошлым, с будущим — с вечностью. Пусть на спектакле возникнут вопросы, которые люди мучительно решали и пятьдесят, и даже сто лет назад.

— В нашей истории естественная цепь времен и поколений порой насильственно рвалась...

— Это происходило в жизни, когда ребенок навсегда разлучался с отцом — «врагом народа». Происходило и в литературе, искусстве. Сегодня приходится расплачиваться за все это. Уверен, что миссия детского театра заключается и в том, чтобы восстановить разорванную связь, прерванную традицию. Поэтому в зрительном зале АЦДТ мы хотим видеть и детей, и взрослых. Мы боремся за такой, семейный, зал.

— А ведь все еще в моде пресловутые школьные культпоходы в тюзы...

— Их ревнители считают тюз всего лишь дополнением к программе, а программу надо выполнять. Вот и тянут на спектакль весь класс, нисколько не заботясь о смысле такого «массового охвата искусством». Эти люди с ведомственной психологией имеют совершенно превратное представление о зрителе-подростке. Как и о детском театре, разумеется. Они-то уверены, что здесь должны учить и развлекать, а дважды два всегда равняется только четырем. Хотя учит и развлекает любой театр, не только детский. Но помимо этого, если, конечно, речь идет об искусстве, на сцене происходит что-то такое, ради чего, собственно, и стоит идти в театр. Что-то, не совпадающее с правилами арифметики.

— Но многие как раз эту арифметику склонны считать главной особенностью тюза.

— Почему-то слова «тюз», «детский театр» для меня всегда ассоциируются с разговорами о «счастлимом детстве в Советской стране», «единственном привилегированном классе» и так далее. Стерлись слова, оплошились, пропитались ложью, вобрали в себя смысл, удобный и угодный людям с той самой, ведомственной, психологией. К детству, отрочеству они относятся с глубочайшим презрением. Потому и устраивают культпоходы, а от театра требуют адаптированных, узконаправленных постановочек на классические тюзовские темы. Попробуйте, объясните им, что в искусстве дважды два далеко не всегда — четыре!

— И все же есть ведь специфика, должна она быть! По моему, трудно что-то возразить родителям и педагогам, которые возмущены детским театром, где показывают обнаженную натуру.

— Сложный вопрос. Но прежде чем ответить на него однозначно, надо разобраться в задачах и целях постановщиков. И потом, дети растут в таких неодинаковых условиях! Одного в семье оберегают от малейшего ветерка реальности. Другого, наоборот, стараются пораньше познакомить с неприглядным и жестоким. Кроме того, у нас нет возможности выбора. Если на всю Москву два детских драмтеатра, то само собой появляется желание привести их к общему, тюзовскому, стандарту. Так оно вроде бы спокойней.

— Живут детские театры и после повышения зарплаты трудно. Во многих городах их вообще нет. Взрослые же театры юного зрителя обслуживают спустя рукава. Что делать в такой ситуации!

— Стремиться в корне изменить отношение общества к детям, подросткам. Только так добьемся и новой, лучшей жизни для тюзов и настоящих, не халтурных спектаклей для ребят во взрослых театрах. Естественно, нужны и дотации за эти спектакли, и другие меры поощрения. Но все это полумеры. Пока работа в школе, в детском театре считается недостаточно серьезной, заметных успехов в воспитании нового поколения мы не достигнем.

— АЦДТ связывает творческая дружба с детским театром из Миннеаполиса. В чем, по-вашему, главный смысл этих контактов!

— Не стану произносить дежурных фраз о проникновении двух культур — все гораздо проще. Встретились люди, которые оказались интересными друг другу. Мы очень похожи во взглядах на цели своей работы, на личность ребенка. Уже состоялся обмен гастролями. Режиссер Джон Крэнни поставил в АЦДТ «Тома Соьера», а нам предстоит работа с американской труппой: наши коллеги остановились на «Ловушке № 46, рост второй» Юрия Щекочихина. Кстати, прошлым летом мы показывали спектакль на двух фестивалях в Англии, и там он был воспринят не просто как зарисовка из жизни современной советской молодежи, но и как рассказ о вечных вопросах отрочества.

Конечно, можно только радоваться тому, что наши детские театры, причем не только столичные, теперь ездят в другие страны, участвуют в международных фестивалях. Это поучительно, интересно. Но не должно стать главной задачей для коллектива. Прежде всего надо сосредоточиться на своем деле здесь, у себя дома. Надо осознать всю меру ответственности перед зрителем. Иначе так и будем топтаться на месте.

Автограф взяла
М. РУБАНЦЕВА.

138